

Примечания

1. Servitude, одно из значений – утрата национальной независимости
2. Официальное название Франции при коллаборационистском правительстве Виши.
3. Pacifisme integral // Colson D. Petit lexique de l'anarchisme. De Proudhon a Deleuze P., 2001. P. 227.
4. Bourseiller Christophe. Histoire generale de "l'ultra-gauche" P., 2003. P. 339–340.
5. Joyeux M. Sous les plis du drapeau noir: Souvenirs d'un anarchiste. Т. II. Paris, 1988. P. 135.
6. Bourseiller Christophe. Op. cit. P. 340.
7. Ibid. P. 342
8. Bourseiller Christophe. Op. cit. P. 340.
9. Ibid.
10. Joyeux M. Op. cit. P. 150.
11. Франк Минци. В личном письме.

СМИРНОВ А. Е.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУБЪЕКТИВАЦИЯ, ИЛИ СКОЛЬКО РАЗ ХОДИТЬ НА КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СУББОТНИК?

Как осуществляется политическая субъективация? Какова субъективная конституция политического акта «занятия стороны»? Что представляют собой политические условия становления субъекта, становления субъектом?

Целью работы является попытка реконструкции механизма политической субъективации. Иными словами, нам бы хотелось со структурной (непсихологической) точки зрения описать процесс интериоризации политических ценностей. Что происходит с субъектом, когда он опознает для себя значимость политического?

Среди недавно опубликованных ранних политических работ Д. Лукача¹ содержится статья «Моральное призвание коммунистической партии»². Основная ее мысль сводится к следующему. В соответствии с («духовным оружием пролетариата», его «эффективнейшим боевым средством») теорией диалектического и исторического материализма, при социализме вопросы производства перестают быть экономическими и переходят всецело в моральную плоскость³. Решения теперь принимаются не в соответствии с экономическими интересами, но в соответствии с теорией, с политическим разумом. Впервые в истории политический разум освободился от экономических детерминаций. В качестве подтвер-

ждения данного тезиса Лукач приводит пример практики безвозмездного труда – коммунистических субботников, практикуемых в первом в мире социалистическом государстве. Субботники, по Лукачу, являются наглядным свидетельством того обстоятельства, что моральные детерминации поведения выходят на первый план по сравнению с экономическими: «Коммунистические субботники, эти первые зачатки перехода от трудовой дисциплины капиталистического экономического строя к социалистической трудовой дисциплине, как подступ к “скачку из царства необходимости к царству свободы” отнюдь не являются институциональными действиями Советского правительства, а представляют собой моральные деяния коммунистической партии»⁴.

Молодой партийный теоретик был абсолютно прав в том, что специфической силой партии является ее: а) внутренняя организация, б) понимание своих задач и назначения, и, наконец, в) *закрытость*. Партия берет в свои ряды только тех, кто «отвечает моральным требованиям, предъявляемым к российскому коммунисту». А потому она «использует всякую возможность, предоставляемую тяготами революции, для чистки своих рядов»⁵. Коммунистические субботники и являются, в частности, одной из таких «тягостных» возможностей. Лукач цитирует Ленина: «Мобилизация коммунистов на войну нам помогла: трусы и негодяи побежали прочь из партии. Скатертью дорога! Такое уменьшение членов партии есть громадное увеличение ее силы и веса. Надо продолжать чистку, используя почин коммунистических субботников»⁶.

Проблема, однако, заключается в следующем. При кажущемся согласии позиций Лукача и Ленина между ними можно увидеть важное различие. Лукач настаивает на том, что в партию следует принимать только тех, кто соответствует должным моральным требованиям (и, следовательно, будет допущен к участию в субботнике). Он предлагает в качестве фильтра различать собственно коммунистов и «друзей коммунистов». Ленин же в качестве фильтра использует сами коммунистические субботники. На первый взгляд, позиция Ленина уязвима. В субботнике может принять участие каждый, в том числе и «морально не доросший» до коммуниста. Лукач же, напротив, выглядит более осмотрительным, когда настаивает *только* на уже проверенных кадрах.

Нейтральный факт участия в субботнике: чем является он для становления субъективности, для процесса субъективации? Далее

мы постараемся показать, что любая трансформация субъективности неотделима от процедур и практик, т. е. от изменения материальных политических и социальных условий существования. Дело прежде всего заключается в том, что субъективность (отчасти!) рождается *из* действия и *как* действие. Факт участия в субботнике не является нейтральным для конституции субъекта. И речь при этом идет отнюдь не о том, что субъект тем самым вольно или невольно воспроизводит существующий властный порядок, т. е. просто поддерживает традицию коммунистических субботников.

Рассмотрим фигуру не «пламенного революционера», но сочувствующего, или «друга коммуниста». С точки зрения Лукача, факт участия в субботнике будет являться для него преждевременным, ибо последний еще морально не дорос до нулевого уровня собственно коммуниста. С точки зрения Ленина, сам факт участия в субботнике уже является победой. И вовсе не потому, что революция в труде «сочувствующего» обрела некий квант полезного труда. Факт участия в субботнике «друга коммунистов» является для революции победой потому, что является самым действенным катализатором и одновременно пробным камнем для политической воли субъекта.

Со стороны все выглядит следующим образом: «Да, я всего лишь инсценирую трудовой энтузиазм, но уж лучше раз в год сходить на субботник, чем плохо выглядеть в глазах товарищей – все равно от меня не убудет и т. д.». В итоге все происходит так, как если бы мы на самом деле подчинились собственному решению. Участие в субботнике не основано ни на чем серьезном и является сугубо формальным жестом. Но все же тот, кто поучаствовал в субботнике, кто положил начало, «протоптал дорожку», сделал это не просто так, но потому, что по той или иной причине *сумел себя мобилизовать* на это. Иными словами, если событие участия в субботнике состоялось, значит оно, в какой-то степени, на некоем неравновесном уровне возможностей и тенденций, было предопределено.

Речь, следовательно, идет о том, что не существует абсолютно-го начала, некой субъективной «отправной точки», в соответствии с которой субъект от начала и до конца оказался бы субъектом собственного решения. В наиболее общем смысле данное обстоятельство схватывается в понятии бессознательного. Бессознательное для субъекта есть то, о чем он (по крайней мере, в данный мо-

мент) не может знать и что является конститутивным для его желаний, запросов, надежд, требований – словом, для субъективности как таковой. Оно действительно, но неразлично; объективно, но неопределенно. Поэтому, говоря о субъекте, мы имеем дело как с его сознанием, так и с актуальностью объективной неопределенности. Последнее обстоятельство должно означать, что в субъекте как таковом заключен не-субъект, неразличимость которого и является условием возможности всех мыслимых тождеств и различий.

В качестве промежуточного вывода мы должны утверждать, что нет и не может быть «собственной истины» субъекта в абсолютном смысле слова. «Объективное» знание социального как такового невозможно именно потому, что субъект в классическом смысле слова (например, субъект как сознание) всегда уже является частью структурно превосходящей его реальности; он онтологически включен в нее и только в перспективе репрезентации является ее центром, которому дарована естественная способность присваивать представления. «Объективная неопределенность» это и означает: субъект существует не иначе, как экстимным (Ж. Лакан, С. Жижек) образом. Экстимность здесь не означает некоторой «наружи». Подлинно материалистическая истина субъекта – в причастности к превосходящему его порядку свободы как исключительное подчинение не закону самости, но существования. Существования, не имеющего ни сущности, ни какого-либо другого основания и не являющемуся ни субстанцией, ни субъектом.

Субъект лишен обладания «собственным», пределом которого является не-субъект, или объект в субъекте, который не позволяет субъекту само-отождествиться, стать замкнутым, тотальным, состоявшимся. Поэтому следует настаивать на принципиальной неотъемлемости внешнего препятствия, которое всякий раз препятствует мышлению окончательно совместиться с самим собой, достичь вожделенного тождества мышления и бытия. Иными словами, автономия субъективности никогда не является завершенной, поскольку она по определению не охватывает избыточности социального, ее действие полностью распространяется на любой способ организации человеческого существа как субъекта.

Принципиально неразличимая объективная неопределенность демонстрирует специфическую действенность. Если вернуться к проблематике бессознательного⁷, то в психоаналитических традициях фрейдовские мифы по поводу содержания и

функционирования бессознательного могут выступать как в качестве объяснительных, так и операциональных концепций. Однако вне зависимости от объективности, истинности и научности этих воззрений они выступают своего рода *сверхреальностью*. А именно: фрейдовский нарратив делает возможным существование ряда актуальных теорий и терапевтических практик, имеющих самое существенное значение для жизни индивидов⁸. И точно так же, как *полной* формулой субъекта было бы не субъект = сознание, но субъект = сознание *и* бессознательное, так и объективная неопределенность есть то, что дополняет всякое актуальное существование до потенциальной онтологической полноты.

Невзирая на то, что объективная определенность играет или может играть решающую роль (например, в акте *выбора*), было бы ошибочным представлять ее в качестве бездонного и бесформенного источника возможностей. Для того, чтобы продвинуться в анализе объективной неопределенности, играющей важную роль в субъектной конституции вообще (а в частности, и ее политической составляющей), можно попытаться задаться вопросом о способе ее существования. Способ существования объективной неопределенности может быть прояснен посредством выяснения ее трансцендентальной организации. Трансцендентальная организация объективной неопределенности начинается и заканчивается понятием сингулярного.

Сингулярное⁹ может быть кратко определено как то, что существует, но так, что лишено модуса присутствия. Сингулярность – это переход, граница, «между». Саморазличающаяся множественность, открытая многомерная единичность, бытующая в модусе «обращенности к...». Важнейшая ее характеристика – способность рас-про-стирания, притягивать к себе некоторый элемент, создающий связь; свойство со-общения самых различных аспектов в лоне одного и того же качества. Сингулярность есть то, посредством чего *распространяется* влияние за счет схождения и расхождения серий. Всякая сингулярность может быть понята как сходящаяся серия, сам факт существования которой одновременно предполагает и расходящиеся, разбегающиеся серии (которые отчасти и поясняют, и конституируют причину схождения предыдущих). Поэтому любое «бесконечно малое» воздействие с предельно высокой степенью вероятности запускает множество рядов

причинных воздействий, которые одновременно (и, следовательно, независимо друг от друга) порождают следующие и т. д.¹⁰.

Вывод, который можно сделать на данном этапе, может выглядеть так: никакое повторение по отношению к субъекту (повторения) не является нейтральным, сугубо механическим. Что бы не совершал (не повторял) субъект, вне зависимости от того, хочет он или нет, он всегда делает больше, чем нужно. Дело заключается в том, что сцена сознания (свободы воли), актуального присутствия неразрывно связана с «другой сценой», сценой объективной неопределенности. Или: сознание принципиально непрозрачно для себя самого в части *процесса становления персональной идентичности*. Другими словами, сознание застигает себя в качестве самотождественного Я лишь в принципиально конечной фазе этого события.

Практика повторения, рассматриваемая из перспективы процесса субъективации или с точки зрения объективной неопределенности, имеет свою специфику, которая раскрывается далее через оппозицию актуальное/виртуальное¹¹. Виртуальное – абсолютно реальное, однако вне размерности присутствия по типу «есть». Виртуальная множественность представляет собой принципиально подвижные, изменчивые условия того, что подлежит актуализации. Соотношение актуального и виртуального, может быть, определяется через два неотделимых друг от друга типа отношений: дифференциацию и дифференциацию. Дифференциация есть то, что образовано полностью неопределенными (сингулярными) элементами так, что их отношение полностью определено и тем самым актуализировано. Дифференциация есть актуализация за счет взаимной определенности неопределенных элементов. Всякая актуализация, все актуально существующее в качестве условий своей возможности неявным образом подразумевает взаимно определенную констелляцию позитивных дифференциальных элементов. И наоборот, виртуальное есть динамическая подоплека всякого актуального.

Смысл сказанного заключается в следующем. Актуализация – принципиально *расходящийся* процесс. Актуализация виртуального всегда неожиданна, а ее итог – различие вместо сходства. Новое, неожиданное, тем или иным образом «неучтенное» появляется в процессе актуализации виртуального по вполне прозаическим причинам чисто структурного характера¹². Практика субъектива-

ции – это дифференциация. Осуществляемая всякий раз на основе проекта (как всегда-уже-известного), «транс» этого трансформирования есть предел, совмещающий в своей актуализации горизонт сознательной субъектной активности с радикальной инаковостью, которая по определению немислимым и неразличимым образом вовлечена в любой опыт.

Наш вывод заключается в следующем. Говоря о механизме политической субъективации, следует помнить, что любой, даже самый минимальный *факт вовлеченности* в процесс политической деятельности (о каких бы ее формах не шла речь) во всех смыслах предпочтительнее, нежели созерцательная позиция. Однако было бы недостаточно сказать, что политическая субъективность рождается *из* деятельности и / или *как* деятельность. Ее специфическим образом конституирует объективная неопределенность, и именно поэтому субъект как «объект» некоей политической практики каждый раз представляет собой нечто *новое*, не укладывающееся в рамки простого целеполагания. Повторение (пусть даже формальное) некоего политического жеста может оказаться абсолютно непредсказуемым с точки зрения оценки его влияния на субъекта. Ведь повторять – значит высвободить, актуализировать объективно неопределенного двойника, который (не устанем повторять) никогда не будет похож на то, что ожидалось. Субботник для Лукача – акт доверия и праздник, субботник для Ленина – кузница партийных субъектов и их пробный камень.

И все-таки: сколько раз ходить на коммунистический субботник? Наш ответ: (минимум) два. Первая попытка символически обречена на неудачу, она всегда формальна и преждевременна. Субъект неизбежно оказывается чужим на празднике труда. И все же она имеет смысл: в этот момент происходит разметка будущего (?) субъективного политического пространства, которое вбирает в себя и накапливает «будущие» предпосылки. Тогда вторая попытка – праздник, почти «историческая необходимость», осуществление того, что «на самом деле» должно было произойти. Ведь все, что когда-либо предстанет перед субъектом в качестве некоего истинного положения вещей, – всегда результат предшествующего «неузнавания», подобно тому, как «революция получает поддержку народа лишь тогда, когда она повторяется» (Гегель), т. е. осуществляется на основе своей первой, «ошибочной», «неузнанной», «преждевременной» попытки.

Примечания

1. Лукач Д. Политические тексты / пер. с нем. и венг. М. : Три квадрата, 2006. 336 с. (Bibliotheca hungarica, вып. 7).

2. Лукач Д. Указ. соч. С. 171–182.

3. «Вопрос производства тем самым становится моральным вопросом. От пролетариата зависит то, уйдет ли теперь в прошлое “предысторическая эпоха человечества”, власть экономики над человеком, институтов и принуждения – над моралью. От пролетариата зависит то, начнется ли действительная история человечества: а именно власть морали над институтами и экономикой». (Лукач Д. Указ. соч. С. 86).

4. Там же. С. 175.

5. Там же. С. 179.

6. Там же.

7. Будем, однако, иметь в виду, что бессознательное выступает здесь в качестве примера объективной неопределенности лишь по причине его принадлежности к порядку сущего вообще, а не потому, что она свойственна именно бессознательному.

8. Мы хотим быть понятыми правильно: объективная неопределенность не относится к порядку сущности, ибо не обладает даже минимальными гарантиями для своей устойчивости, а ее «неразличимость» длится лишь до момента ее опознания в качестве результата отношений взаимной определенности.

9. О понятии сингулярности см.: Делез Ж. Логика смысла. М. : Академия, 1995. С. 73–79, 128–138, Керимов Т. Х. Поэтика времени. М. : Академ. проект, 2005. С. 126–165, Нанси Ж. -Л. Бытие единичное множественное. Минск : Логвинов, 2004.

10. Сингулярность определяется здесь в качестве трансцендентальной с по следующим соображением: 1) как нечто априорное – объективная неопределенность *всегда уже* представлена сингулярностями; 2) как условие возможности – сингулярности, составляющие объективную определенность, выступают в качестве *условий возможности* чего-либо, однако в качестве принципиально изменчивых, подвижных, исторических (и тем не менее универсальных относительно своего статуса); 3) как нечто, лишенное возможности стать предметом эмпирического опыта. Наконец, в отличие от классических фигур трансцендентализма (Кант, Гуссерль), трансцендентальность этого типа лишена формы сознания.

11. В данной ситуации является абсолютно принципиальным различать виртуальное и возможное. Об этом различии см.: Бадью А. Делез Ж. Шум бытия. М. : Логос-Альтера, 2004. С. 67–68.

12. Делез Ж. Различие и повторение. СПб. : ТОО, ТК «Петрополис», 1998. С. 209–270.